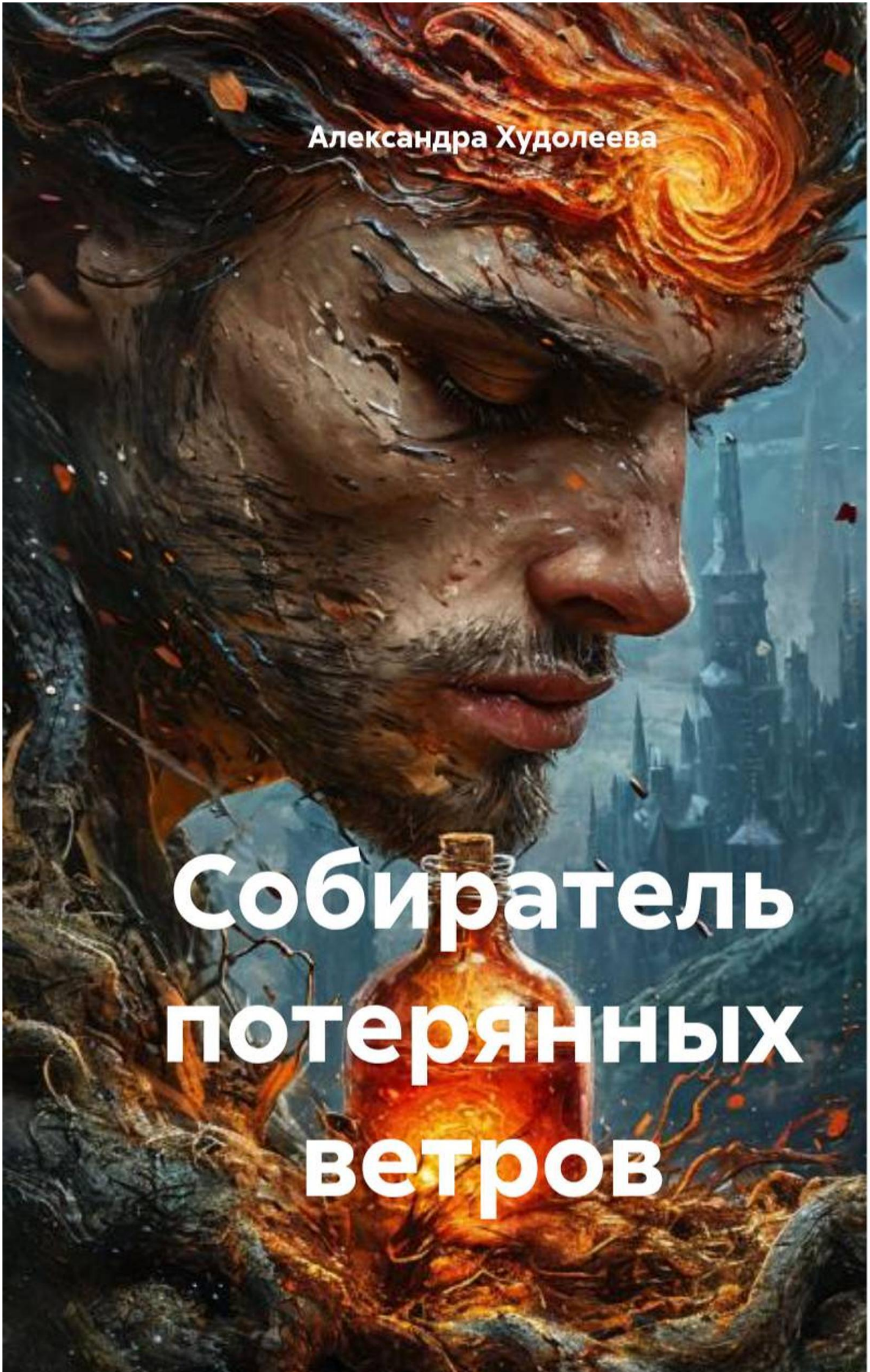

Александра Худолеева
Собиратель потерянных ветров

Александра Худолеева

Собиратель потерянных ветров

«Автор»
2026

Худолеева А. М.

Собиратель потерянных ветров / А. М. Худолеева — «Автор», 2026

В мире, где эмоции продаются в бутылочках, его дар — опасное проклятие. И единственная надежда.Кирилл — «неисправный». Он не просто чувствует, а видит эмоции других: фальшивые ауры из ампул и дикие, настоящие чувства, которые система «Аура» стремится уничтожить. Каждый день для него — пытка в оглушительном хаосе чужих страстей.Ему предлагают «исправиться» — стать удобным, предсказуемым, как все. Стереть в себе всё живое. Но однажды Кирилл обнаруживает, что его проклятие — ключ к древней силе. Он может не только чувствовать потерянные эмоции, но и возвращать их.Теперь ему предстоит выбор:Сдаться и раствориться в серой массе «гармоничного» общества. Или принять своё ремесло и стать Собирателем Потерянных Ветров — тем, кто в мире тотальной лжи отважится спасать самое опасное и настоящее.Это история о бунте против системы, которая лечит боль ампутацией души. О цене комфорта. И о первом дуновении свободы в мире под стеклянным колпаком.

© Худолеева А. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Фальшивая симфония 5
Глава 2: Пятно тишины 9
Глава 3: Курс коррекции 12
Глава 4: Первый потерянный бриз 17
Глава 5: Архив тишины 22
Глава 6: Цена Марка 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Собиратель потерянных ветров

Глава 1: Фальшивая симфония

Утро началось не со света, пробивающегося сквозь шторы, и не со звонка будильника. Оно началось с тихой, методичной паники, которая подкралась еще до рассвета. Кирилл лежал неподвижно, прислушиваясь к собственному сердцу – его удары казались слишком громкими в предрассветной тишине, словно маленький барабанщик, запертый в клетке его грудной клетки. Он уже знал, что сегодня будет плохо. Его кожа, эта проклятая антенна, улавливающая всё, ныла едва ощутимым предупреждением – будто кто-то провел по ней наэлектризованным бархатом.

И он не ошибся.

Еще до того, как мама зашла в комнату с привычным, бесшумным подносом, Кирилл почувствовал её – нет, не шаги в коридоре, а липкую, приторную волну «Утренней безмятежности», пробивающуюся сквозь щель под дверью. Она ползла по полу, обвивалась вокруг ножек кровати, поднималась вверх по одеялу. Этот аромат, который все в рекламных роликах хвалили за «нежные ноты зеленого чая и миндаля с оттенком утренней росы», для него пах пластиком и забальзамированными цветами – теми, что лежат в гробах, яркие и безжизненные. Он глубже вжался в подушку, пытаясь задержать дыхание, свернувшись калачиком, будто физически мог стать меньше, недоступнее для этого вторжения. Не помогло. Волна накрыла, и кожа на запястьях заныла по-настоящему, словно ее обклеили липкой лентой, а потом резко оторвали. Каждый волосок на руках встал дыбом.

Дверь открылась без стука.

– Кирилл, подъём. Сегодня важный день, – голос матери был ровным, спокойным, как поверхность озера в полное безветрие. Идеально откалиброванным. Она вошла, и за ней потянулся шлейф того же аромата, но усиленный, концентрированный – она явно использовала не только духи, но и утренний спрей для помещения. Сияние «Безмятежности» исходило от нее почти физически, мягким розовым свечением, которое для Кирилла резало глаза, словно яркий софит.

Она поставила поднос на прикроватную тумбу с тихим, но отчетливым щелчком фарфора о дерево. Завтрак, как всегда, был идеально сбалансирован: каша без сахара, три ягоды годжи для антиоксидантов, ломтик авокадо. И рядом с блестящей ложкой лежала крошечная ампула с бирюзовой жидкостью, сверкающая, как драгоценный камень. «Фокус и ясность. Для оптимального учебного процесса» – гласила микропечать на этикетке. Стандартный школьный набор. Прямо как у всех.

Он кивнул, не открывая глаз, делая вид, что только что проснулся. Сыграть утреннюю сонливость было проще, чем пытаться скрыть дрожь в пальцах, которую он чувствовал.

– Я знаю. Тестирование, – выдавил он из себя, и голос прозвучал хрипло, невыспавшимся. Хорошо. Пусть думает, что это просто сон.

– Ты подготовлен. Просто будь собран. И не забудь принять, – мама погладила его одеяло, даже не коснувшись плеча. Ее прикосновения стали редкими и осторожными, будто он был хрупкой, нестабильной конструкцией. – За тобой заедет Лия. Вы поедете вместе.

Лия. Это имя вызвало новый спазм в желудке. Еще одна волна фальшивого спокойствия, но другого, более стерильного оттенка.

Дверь закрылась. Он открыл глаза и уставился в потолок, где треснувшая штукатурка образовывала очертания, похожие на кричащее лицо. Важный день. День тестирования по социальной интеграции. По сути – день, когда все будут демонстрировать, как хорошо они

управляют своими эмоциями, как гармонично вписываются в общий хор. Для Кирилла это был день в аду на особой, персональной сковородке.

Школьный автобус, ярко-желтый и сияющий чистотой, встретил его не гомоном детей, а стеной звука другого порядка – к которому никто, кроме него, казалось, был не чувствителен. Речь шла не о гвалте голосов – с этим он бы справился. Это был гвалт чувств, настоящий эмоциональный смог.

Он замер на ступеньке, делая вид, что поправляет ремень рюкзака, чтобы дать себе секунду на адаптацию. Над головой водителя, старого дяди Васи, вился розоватый, пульсирующий шар «Удовлетворения от рутины». Он урчал, как сытый кот, медленно вращался, и Кирилл знал, что если до него дотронуться (мысленно, конечно, он никогда не дотрагивался намеренно), пальцы бы стали жирными и скользкими, будто от прикосновения к старому пирожному. Пара девушек на переднем сиденье делила ампулу «Безудержного веселья» – их смех выстреливал в воздух оранжевыми, колючими искрами, которые, долетая до него, щипали кожу предплечий, как крапива. Искры были фальшивые, слишком резкие, слишком равномерные – как фейерверк, который пахнет не серой, а химической отдушкой.

Он прошёл вглубь, устроившись у окна на последнем сиденье, прижав лоб к ледяному, почти болезненно холодному стеклу. Его собственная, природная тревога, которую не брали ни одни корпоративные ампулы, густая и серая, как предгрозовая туча, клубилась где-то под ребрами. Он пытался её сжать в комок, сделать меньше, плотнее, спрятать подальше. Быть незаметным – вот его единственная, неудачная сверхспособность. Дышать тише. Смотреть в одну точку. Не реагировать.

Неудачная. Всегда.

На остановке у Парка Гармонии вошла Лия. И мир на мгновение… не стих, а исказился. Эмоциональный шум не исчез, а словно приглушился, сменившись ровным, монотонным гулом белого шума, как в неработающем телевизоре. Она улыбалась, кивала знакомым, легкой, пружинящей походкой прошла по проходу. Её улыбка была идеальной, зубы ослепительно белыми, глаза приветливыми. И совершенно пустыми, как у хорошо сделанной куклы.

От неё исходило ровное, флуоресцентное свечение «Искренности утра» – последняя модель, судя по интенсивности. Оно не било в глаза резким лучом, а заливало всё вокруг безжизненным, больничным светом, вымывая цвета и тени. Кирилл видел, как этот свет ложится на потёртую обивку сидений, на яркие рюкзаки других детей, вытравливая настоящие, слабые отблески их собственных чувств – всполох стеснения здесь, тусклое пятно скуки там. Лия была ходячим эмоциональным стерилизатором. Все, включая учителей и его маму, восхищались её «невероятной собранностью и чистотой эмоционального фона».

Она села через проход от него, положив на колено идеально сложенный платок.

– Привет, Кирилл. Готов к тестированию? – ее голос был мелодичным и ровным, как звук камертона.

– Ага, – буркнул он, глядя в свое отражение в стекле, искаженное каплями начавшегося дождя.

Ему отчаянно хотелось открыть окно и вдохнуть полной грудью глоток грязного, пропитанного бензином уличного воздуха – лишь бы он был настоящим, резким, нефильтрованным. Но окна в автобусе не открывались. Из соображений безопасности и поддержания климатического баланса.

Школа «Гармония» встретила их не звонком, а тихой, мелодичной арпеджио, звучащей из динамиков, и вывеской в холле, светящейся неярким голубым: «Эмоции – твой ресурс. Управляй им с умом». Стены были выкрашены в успокаивающие цвета – «мята перечной» и «небесная лазурь». Но для Кирилла они кричали. Каждый цвет вибрировал своей особой, ложной нотой.

Он научился маршруту: минуя кабинет химии, от которого тянуло старым, кислым страхом (зелёный, едкий туман, оседающий на языке), и спортзал, где воздух был густ от дешёвого, потного энтузиазма (липкие желтые брызги, цепляющиеся за одежду). Но учителя… Они были хуже всего. Их чувства, выверенные и усиленные корпоративными ампулами высшего класса, были слишком мощными, навязчивыми. Учительница истории, г-жа Лемарк, излучала «Увлеченность предметом» – густой, терпкий запах старого пергамента и пыльных фолиантов, от которого першило в горле и слезились глаза. На её уроках Кирилл задыхался по-настоящему, краснея и кашляя, что все списывали на аллергию. Слабый аргумент, но другого у него не было.

Тестирование проходило в актовом зале, который на сегодня превратили в лабораторию социального взаимодействия. Длинные столы, планшеты с заданиями, камеры в потолке для «последующего позитивного анализа». Воздух был густ от смеси десятков искусственных эмоций – винегрет из «Концентрации», «Доброжелательного соперничества» и «Командного духа». Кирилла поставили в команду с Лией (конечно же) и Димой Соболевым, тихим, пухлым мальчиком, который всегда старался быть невидимкой, съежиться, раствориться в фоне.

– Начнём с мозгового штурма, – объявила Лия, как только они уселись, и её флуоресцентное свечение стало ярче, сконцентрировавшись над столом, будто прожектор. – Я предлагаю структурировать наш подход по методу «Ауры»: сначала генерируем идеи, затем фильтруем по критериям эффективности и социальной приемлемости.

Кирилл кивнул, уставившись в матовую поверхность стола. Он пытался сфокусироваться на задании – абстрактная задача о распределении ресурсов на гипотетической космической станции. Но его внимание, как предатель, снова и снова ускользало. Он чувствовал Диму. Мальчик сидел, сгорбившись, буквально втягивая голову в плечи, и от него, сквозь общий гул искусственных эмоций, пробивался тонкий, дрожащий ручеёк. Не покупное, не из ампулы. Настоящее.

Глубокий, леденящий страх. Страх опозориться, сказать глупость, быть осмеянным, подвести команду. Этот ручеёк был цвета темного, тяжелого свинца и пах озоном перед грозой, смешанным с потом. Он струился по полу, пытаясь спрятаться под стульями, обтечь ножки стола, уйти в щели.

Лия говорила что-то о приоритизации и алгоритмах. Кирилл перестал слышать слова. Его целиком, как воронкой, затягивало в этот ручеёк. Он чувствовал, как его собственная серая тревога начинала резонировать, вибрировать в унисон со страхом Димы. Их частоты совпали. Тревога нарастала, сгущалась, превращаясь в панику. В ушах зазвенело, высоко и пронзительно, будто лопнула струна. В висках застучало. Ему нужно было выйти. Сейчас. Немедленно. Иначе он взорвется, и тогда конец.

– Кирилл, ты нас слышишь? – голос Лии прозвучал глухо, как из-под толстого слоя ваты, доносясь сквозь нарастающий гул в его голове. Ее свечение моргнуло раздражением. – Мы ждем твоего вклада.

– Я… мне срочно нужно в туалет, – пробормотал он, вставая так резко, что его стул громко, визгливо поскрёб по полированному полу. Звук был подобен ножу по стеклу. Несколько человек за соседними столиками обернулись. На него упали взгляды – любопытные, оценивающие, раздраженные.

И в этот момент Дима, решив, что все эти взгляды адресованы ему, что сейчас потребуют и его слова, от страха выдавил из себя что-то. Жалкую, сбивчивую, полную оговорок идею о системе рециркуляции воды.

– М-можно, я думаю… если попробовать не линейную, а кольцевую модель… хотя нет, это, наверное, глупо…

Кто-то с другого конца их стола, мальчик из параллельного класса, легко фыркнул. Не со зла. Просто – нелепо прозвучало. Микросмешок. Но для Димы это был приговор. Его дрожащий ручеёк страха взорвался.

Он превратился в чёрный, удушливый вихрь, который рванул из-под стола, накрыл Кирилла с головой, ворвался в рот, в нос, в легкие. Тот забыл про туалет, про тест, про Лию, про всё на свете. В его голове грохнуло, будто хлопнула массивная дверь. Боль, острая и абсолютно реальная, как удар током, пронзила виски, сжала череп. Его вырвало этим чужим, всепоглощающим ужасом. Желудок сжался спазмом.

– Заткнись! – хрипло, с надрывом вырвалось у Кирилла, прежде чем он успел подумать. Он не кричал на Диму. Он кричал на тот чёрный вихрь, на боль, разрывающую голову, на весь этот невыносимый, лживый мир, который заставлял вот так мучиться. – Просто заткнись, перестань, со своим этим… этим чёрным…

Он не договорил. В зале повисла мертвая, звенящая тишина. Даже фоновую музыку выключили, или ему послышалось. Все смотрели на него. Десятки пар глаз. Лия с идеально-испуганным выражением лица (скорее всего, «Тревога за коллектив», ампула 5 мл, быстродействующая) – брови домиком, рука у щеки. Дима побледнел так, что казалось, вот-вот потеряет сознание. Его чёрный вихрь схлопнулся в маленькую, твердую, невероятно тяжелую точку боли где-то в районе солнечного сплетения, и Кирилл почувствовал, как эта точка тянет его вниз, к полу.

К ним уже шел надзирающий учитель, г-н Трофимов, излучавший волны «Спокойной авторитетности» – плотные, давящие, как тяжелое одеяло. Его лицо было строгим и разочарованным.

– Кирилл Волков. Немедленно выйди из зала. Сейчас же. За тобой придут.

Он пошел, не глядя по сторонам, чувствуя, как взгляды впиваются в его спину, словно острые иголки. Шёпот, похожий на шелест сухих, ядовитых листьев, полз за ним по пятам: «Срывщик… У него опять приступ… Нестабильный… Говорили же, что его нельзя допускать… Мать что смотрит?»

В кабинете школьного психолога, пахнущем лавандовым «Профессиональным спокойствием», ему дали стакан прохладной воды и предложили маленькую, розовую ампулу.

– Это «Лёгкость прощения». Для Димы. Чтобы сгладить инцидент в его восприятии. И тебе станет легче, – сказала психолог, г-жа Иволгина, ее чувства были надежно заблокированы профессиональным коктейлем «Эмпатия без вовлеченности».

Кирилл молча отвернулся от ампулы, сжав стакан так, что пальцы побелели. Он смотрел в единственное настоящее окно в этом крыле – не панорамное, а обычное, с деревянной рамой. За ним гнулись под порывами ветра редкие, тощие деревца во дворе школы. Ветер был настоящим, осенним, нефильтрованным. Он был холодным, резким, пахнущим гниющими листьями, влажной землей и чем-то неопределённым, что можно было назвать свободой. Таким, каким и должен быть ветер.

В голове, словно заевшая пластинка, стучало одно слово: «Неисправный». Не человек. Не ученик. Неисправный. Проклятие. Диагноз. Единственное, что о нём знал и помнил этот мир. Ампула, которая не работает. Дефективный экземпляр.

Он не знал, сидя в этом кресле и глотая ком в горле, что сегодня, по дороге домой, свернув на заброшенную детскую площадку, чтобы отсрочить возвращение, он впервые увидит не вихрь страха, а нечто совершенно иное. Маленький, потерянный клубок чистого, серебристого восторга, случайно зацепившийся за ржавую ветку старой качели. И что его пальцы, сами собой, против всякой воли и логики, потянутся к нему – не чтобы оттолкнуть, а чтобы… прикоснуться. Узнать.

Но это было потом. Через несколько часов. А сейчас была только острая, жгучая боль в висках, давящий стыд, пропитавший каждую клетку, и всепроникающая, оглушительная симфония фальши, от которой не было спасения ни в одной ноте.

Глава 2: Пятно тишины

Путь домой был ритуалом унижения, растянутым на два километра асфальта. Кирилл шел не по тротуару, а прижимаясь к стенам домов, как будто они могли дать тень не от солнца, а от взглядов. Воздух после дождя должен был пахнуть свежестью, но вместо этого он был пропитан испарениями тысяч искусственных эмоций – усталость офисных работников, выплеснувшийся в виде кисловато-сизой дымки, приторная радость из кафе, где отмечали что-то, тревожные желтые всполохи машин, застрявших в пробке. Эта смесь оседала на коже липкой плёнкой.

Он свернул с центральной улицы «Цветущей Гармонии» в старый квартал, который называли «Тихим Углом». Здесь реже мелькали неоновые вывески психосалонов «Баланс» и киосков с ароматами «на каждый день». Дома были ниже, кое-где на стенах еще сохранилась облупившаяся штукатурка вместо светящихся эмо-панелей. Здесь было… не чище, а как-то пустыннее в эмоциональном плане. Как будто сигнал был слабее.

Именно здесь, на задворках, за ржавым гаражным кооперативом, он и наткнулся на ту самую заброшенную площадку. Она была островком забытья: две качели с оборванными сиденьями, горка с дыркой посередине, и карусель, которая скрипела на ветру одним-единственным, тоскливым звуком. Место, где не ступала нога «гармонизированного» ребенка. Слишком небезопасно. Слишком… непредсказуемо.

Кирилл собирался просто пройти мимо, но его взгляд зацепился за качели. На одной из них, на изогнутой металлической перекладине, дрожало что-то. Сначала он подумал, что это отблеск уходящего солнца на капле дождя. Но солнце уже скрылось за тучами. Это светилось само по себе.

Он замер, затаив дыхание. Это не было похоже ни на что из того, что он знал. Не вихрь, не туман, не шар. Это был маленький, пушистый клубок света, размером с грецкий орех. Он пульсировал мягким, серебристым сиянием, и от него расходились едва заметные, дрожащие нити-реснички. Он не издавал запаха. Не жалил кожу. Он просто… висел, слегка подрагивая от ветра, зацепившись за шероховатость ржавого металла.

И самое странное: вокруг него была тишина. Не та искаженная тишина, что исходила от Лии, а настоящая, чистая дыра в фоновом эмоциональном шуме мира. Как будто этот клубок всасывал в себя все лишние вибрации, оставляя вокруг себя вакуум покоя.

Ледяной ужас сковал Кирилла. Всё, чему его учили, кричало внутри: «Аномалия! Нестабильность! Опасно! Надо сообщить!» Он сделал шаг назад, почувствовав, как знакомое сжатие подступает к горлу. Он должен бежать. Сейчас.

Но его ноги не слушались. Они приросли к мокрому асфальту. А рука… его правая рука, словно отделившись от тела, медленно поднялась. Пальцы вытянулись, сами собой, против всякой воли и логики. Не чтобы оттолкнуть. Чтобы прикоснуться.

Разум метался в панике. Что ты делаешь? Это неизвестно! Это может быть заразно! Это может взорваться!

Но было уже поздно. Кончик его указательного пальца коснулся одной из тех дрожащих серебристых нитей.

И мир перевернулся.

Не было взрыва. Не было боли. Не было нашествия чужих чувств. Был…

Звук.

Чистый, высокий, пронзительный звук, словно удар по хрустальному колокольчику. Он прозвучал не в ушах, а где-то внутри черепа, в самой середине сознания. И за ним хлынула волна.

Но не волна эмоции. Это было… знание? Ощущение? Воспоминание, которое ему не принадлежало.

Мгновение абсолютного, ничем не омраченного восторга. Не от покупки, не от успеха, не от ампулы. От простого факта существования. От того, что солнце сегодня светит особым образом, пробиваясь сквозь листву. От запаха скошенной травы, смешанного с пылью. От чувства, как ветер обнимает кожу, а земля пружинит под босыми ногами. От смеха – своего собственного, детского, немого от счастья. Это было так ярко, так ясно, так… цельно, что у Кирилла перехватило дыхание.

Это чувство было живым. Настоящим. Незамутненным. Неразбавленным. Оно не пыталось ничего продать, ни к чему призвать, никого впечатлить. Оно просто было.

А потом – щелчок. Словно кто-то выключил проектор.

Серебристый клубок погас. Не с взрывом, а тихо, как угасающий уголёк. Он съежился, потемнел и рассыпался легкой, невесомой пылью, которую тут же унес ветер.

Кирилл стоял, опустив руку, и смотрел на пустое место, где только что было чудо. Его пальцы горели. Но не болью. Теплом. Тонким, согревающим теплом, которое разливалось по руке, добиралось до локтя, успокаивающе пульсировало в такт замедлившемуся сердцебиению.

В ушах больше не звенело. Голова была пустой и ясной, как вымытое небо после грозы. Эмоциональный смог квартала, который давил на него секунду назад, отступил. Он всё ещё чувствовал его – тот же кисло-сизый угар усталости, жёлтые брызги раздражения из окон, – но теперь между ним и этим шумом появился… барьер. Тонкий, едва ощутимый, как мыльная плёнка. Шум не пробивался сквозь него. Он оставался снаружи.

Кирилл поднял руку и уставился на кончики своих пальцев. На них не было ни пыли, ни следов. Но он чувствовал изменение. Как будто кожа запомнила прикосновение к тому серебристому свету. Как будто в него впечатался отпечаток тишины.

«Что это было?» – прошептал он в пустой, скрипящей тишине площадки. Вопрос повис в воздухе без ответа.

Но вместе с вопросом пришло и другое чувство. Не страх. Не паника. Не привычная серая тревога.

Это было острое, жгучее любопытство.

Он огляделся. Площадка была пуста. Ни души. Только ветер качал скрипучую карусель. Никто не видел. Никто не знал.

Он медленно повернулся и пошёл домой, но теперь его шаги были не такими понурыми. Он продолжал смотреть на свои пальцы, сжатые в кулак, как будто боялся, что тепло ускользнет.

В голове, вместо привычного гула, звучал тот самый хрустальный звон. И за ним тянулся шлейф того дикого, необъяснимого восторга. Обрывок чужого, но настоящего счастья.

Он не знал, что это такое. Не знал, откуда оно взялось. Не знал, опасно ли это.

Но он знал одно: это было первое настоящее, не поддельное, не купленное чувство, которое он испытал за долгие годы. И оно было прекрасно.

А в кармане его куртки, куда он машинально сунул руку, лежал смятый листок – объявление о сборе вторсырья, которое он подобрал у качели, не глядя. На его обороте, невидимое для глаза, тлела слабая, почти угасшая серебристая точка – последняя искра того клубка. Она была холодной.

Дорога домой внезапно показалась короче. И мир вокруг, со всем своим фальшивым шумом, внезапно стал… терпимее. Потому что теперь у него был секрет. Маленькое пятно тишины, зажатое в кулаке и спрятанное в глубине памяти.

Он не подозревал, что это пятно тишины – не подарок, а сигнал. Что оно действует как маячок. И что есть другие, кто чувствует такие сигналы. И что один из них, сидя в своей квартире на другом конце района и вслепую собирая пазл из разрозненных эмоциональных всплес-

ков, только что вздрогнул и поднял голову, прислушиваясь к эху того самого хрустального звона.

Глава 3: Курс коррекции

Тишина в квартире после вчерашнего инцидента была густой, тягучей, концентрированной, как невидимый сироп. Она не была простым отсутствием звука. Она была сдерживаемым, разъедающим изнутри разочарованием отца, приглушенной, словно замотанной в вату, тревогой матери и его собственным, острым, как отточенное лезвие, стыдом, который резал изнутри при каждом воспоминании. Эти чувства висели в воздухе, неозвученные, тяжелые, но для Кирилла – глухими ударами в барабанные перепонки. Завтрак проходил в ритуале молчания, нарушаемом только звоном ложек и тихим шипением кофеварки.

Отец, Артем, работавший инженером по системам вентиляции на периферийном заводе «Аура-Индастриз», сидел, уставившись в планшет с техническими чертежами. Но его взгляд скользил по линиям и цифрам, не цепляясь, остекленевший. От него исходило ровное, металлически-серое сияние «Профессиональной отстраненности» – стандартный корпоративный коктейль для концентрации. Однако по краям этого искусственного свечения, как тонкие, ядовитые трещины в стекле, змеились всполохи иного свойства: растерянности, глубокой досады и чего-то, отдаленно напоминающего стыд за собственного сына. Эти всполохи пробивались сквозь серый фон, словно подземные толчки, и Кирилл чувствовал их на вкус – горьковато-металлическим привкусом на языке.

Мать, Елена, двигалась по кухне с заученной, почти механической грацией. Она разливала чай, поправляла салфетки, её движения были точными, выверенными до миллиметра. Она излучала плотный, теплый шлейф «Заботливой настойчивости» – фон, пахнущий ванилью и свежевыглаженным бельем, удушающе сладкий. Но под этим густым, нарочито спокойным ковром, словно под толстым слоем льда, бушевало и билось что-то колючее, острое и дико испуганное. Кирилл видел, как этот подспудный, загнанный вглубь ужас пробивался сквозь ванильную гладь мелкими, резкими всплесками, когда её взгляд на миг задержался на нём, на его сгорбленной спине, на пальцах, нервно теребящих край скатерти.

– Кирилл, – начала она наконец, поставив перед ним чашку с тихим, но невероятно громким в этой тишине щелчком фарфора о стеклянную столешницу. Звук отозвался в его висках уколом. – Мы записали тебя на консультацию. К специалисту. Очень хорошему. Её зовут доктор Вера Сомова. Она считается лучшим эмпат-корректором в нашем секторе.

– Не надо, – пробормотал он, уставившись в темную поверхность чая, где отражалась тусклая люстра. Он чувствовал, как серый, плотный клубок отцовских эмоций сжимается, становясь тяжелее, темнее, обретая четкие и угрожающие границы.

– «Не надо»? – голос отца прозвучал ровно, без повышения тона, но в нём, словно стальная струна под натяжением, зазвенела холодная, металлическая нотка. Это была не его собственная, живая злость – та давно похоронена под слоем корпоративных протоколов. Это был чистейший, лабораторно выверенный «Конструктивный импульс к решению проблемы». Эмоция-инструмент. – После того, что произошло вчера? Учительница Лемарк звонила. Ты публично сорвал тестирование, проявил агрессию по отношению к однокласснику. Твоя эмоциональная нестабильность перестала быть просто твоей личной проблемой, Кирилл. Она теперь влияет на коллектив.

– Я не проявлял агрессию! – вырвалось у Кирилла, и он сам испугался хриплой, надрывной громкости своего голоса. Вспышка его собственной, настоящей, багрово-чёрной ярости от несправедливости на миг разорвала, как бумагу, искусственные эмоции в комнате. – Я просто не мог дышать! Он… всё вокруг… оно давило! Я не выдержал!

– Вот именно, – мягко, но с железной, неотступной настойчивостью вступила мать. Её «Заботливая настойчивость» усилилась, сгустилась, стала душить, как плотное шерстяное одеяло, наброшенное на голову в летний зной. – Ты не выдерживаешь того, с чем другие справ-

ляются легко. Это значит, твой… твой чувственный аппарат требует настройки. Коррекции. Доктор Вера помогает таким, как ты. Она возвращает баланс.

«Таким, как ты».

Эти три слова упали в липкую тишину кухни, как свинцовые гири, пробивая пол. Неисправным. Сломанным. Дефектным образцом, требующим починки.

– Я не хочу, чтобы меня «настраивали», – выдавил Кирилл почти шёпотом, сжимая ладони под столом так, что ногти впились в кожу. Он чувствовал, как знакомый, горький ком – смесь обиды, бессилия и страха – подступает к горлу, угрожая слезами. Слезам здесь не было места.

– Это не наказание, сын, – отец отложил планшет, и его «Конструктивный импульс» на миг сменился на что-то более сложное, почти подлинное, человеческое. Над его головой замелькал рваный, неуверенный, бесформенный вихрь – в нем угадывались жалость (настоящая, не из ампулы), растерянность, глубокий страх перед проблемой, у которой нет готовых чертежей и схем, и усталость. Усталость от постоянных вызовов в школу, от беспокойства жены, от сына, который не вписывается в понятный мир. – Это помощь. Представь, как тебе будет легче. Никаких больше этих… срывов. Никакой этой твоей физической боли от людей. Ты сможешь, наконец, нормально учиться, думать о будущем. Станешь полноценной частью коллектива. Команды.

Будущее. Коллектив. Команда. Звучало как окончательный, бесповоротный приговор. Но в то же время… «Никакой этой боли».

Искушение, сладкое, манящее и смертельно ядовитое, коснулось его самой уязвимой части. А что, если они правы? Что, если это и вправду болезнь, дефект нервной системы? И есть лечение, процедура, лекарство, которое отключит этот вечный, изматывающий шум и позволит ему просто жить? Дышать? Быть как все – не чувствуя этой какофонии? Возможность покоя, пусть и купленного ценой чего-то внутри, манила, как огонёк в кромешной тьме.

– Хорошо, – выдавил он, глядя в стол. Слово вышло тусклым, безжизненным. – Я схожу.

Кабинет доктора Веры находился не в обычной поликлинике, а на двадцатом этаже «Башни Гармонии» – одного из зеркально-стеклянных бизнес-центров, принадлежащих холдингу «Аура». Всё здесь было пронизано тихим, дорогим шиком и стерильной, дорогой эффективностью. Воздух пах не больничным антисептиком, а нейтральным, но приятным, едва уловимым ароматом «Клинической чистоты и доверия» – вероятно, тоже распыляемым через систему вентиляции. Мягкий ковер глушил шаги, стены были окрашены в успокаивающий цвет «морской пены», а на ресепшене мило улыбалась девушка, от которой исходил ровный фон «Дружелюбной компетентности».

Сама доктор Вера оказалась молодой женщиной, лет тридцати, с тёплыми, умными карими глазами и спокойной, обволакивающей улыбкой, которая, казалось, обещала понимание. На ней не было белого халата, только идеально сидящий костюм мягкого серо-голубого оттенка, подчеркивавший профессионализм и одновременно доступность. И самое главное – от неё не исходило ни одного резкого, фальшивого или давящего чувства. Был лишь ровный, тёплый, почти золотистый, бархатистый фон – глубокое, выверенное, профессиональное спокойствие. Но что-то в этом фоне было… слишком безупречным, слишком гладким. Как у Лии, только несравненно более искусным, глубоким и, оттого, неуловимым. Это был не щит, а идеально отполированная зеркальная поверхность, отражающая то, что от нее ждут.

– Кирилл, привет. Проходи, садись, куда тебе удобно, – её голос был тихим, мелодичным, лишенным всякого давления. Он не командовал, не уговаривал. Он приглашал. И в этой кажущейся простоте была своя, особенная опасность. Её было страшнее, чем откровенный крик или упрек.

Он сел в глубокое, но упругое кресло напротив неё, чувствуя, как мягкий материал обволакивает, но не сковывает.

– Родители рассказали мне о твоих трудностях, – начала она, не записывая ничего в планшет, просто глядя на него с неподдельным (или невероятно убедительно сыгранным) участием. – О том, что ты воспринимаешь эмоциональные состояния окружающих с необычайной, болезненной глубиной. И что это причиняет тебе настоящее, физическое страдание.

Она говорила на его языке. Не называла это «нестабильностью», «срывом» или «девиацией». Она сказала «глубина восприятия». В его груди, сжатой в тисках стыда и страха, что-то дрогнуло, ослабло. Слабая, робкая надежда? Он лишь кивнул, не в силах вымолвить слова, чувствуя, как ком в горле начинает таять.

– Я понимаю тебя, Кирилл. Понимаю, как это – быть открытым настежь, когда мир вокруг постоянно обрушивает на тебя шквал чужих переживаний, – она сделала небольшую, искусно рассчитанную паузу, и ее золотистый, бархатный фон на миг колыхнулся, пропустив на самую поверхность… что? Отголосок старой, личной боли? Искру подлинного сочувствия? Или это была лишь виртуозная симуляция эмпатии, часть профессионального инструментария? Кирилл, ослеплённый возможностью быть наконец-то понятым, услышанным, не стал вглядываться, не стал анализировать. Он жадно впитал эту иллюзию понимания. – Знаешь, я сама в юности сталкивалась с… похожими сложностями.

Он поднял на неё глаза, широко раскрыв их. «Как я»?

– Да, – она мягко улыбнулась, и в этой улыбке, дозированной, как лекарство, была легкая, искусно поданная грусть по утраченной невинности восприятия. – Это состояние имеет название – «синдром гиперчувствительной эмпатии». Это не твоя вина и не прихоть. Это особенность архитектуры нейронных связей, своеобразная «аппаратная» чувствительность. И, к счастью, в наше время это успешно корректируется. Не подавляется, а именно гармонизируется.

Она взяла с идеального, ничем не заставленного стола тонкий, матовый планшет и легким движением пальца активировала экран. Перед ним возникла красивая, динамическая 3D-схема, напоминающая нейронную сеть или схему радиоприёмника. Яркие, переплетающиеся линии разных цветов, некоторые из них, особенно густые и активные, были окрашены в тревожный, пульсирующий красный.

– Видишь? – её голос стал чуть более лекционным, но не терял теплоты. – Условно говоря, твои эмпатические каналы, эти связи, – она указала на красные линии, – слишком широко открыты, их фильтры практически атрофированы. Ты, образно говоря, как антенна без тюнера, которая ловит все сигналы эфира одновременно, и сильные, и слабые, и нужные, и паразитные. Моя задача – помочь тебе научиться ставить щиты, настроить твой внутренний приёмник. Научить различать и осознанно выбирать частоты, на которые ты хочешь быть настроен, а ненужные – мягко, но эффективно заглушать. Это навык, Кирилл. Такой же, как научиться плавать или ездить на велосипеде. Сложно только вначале.

Она говорила так убедительно, логично, успокаивающе. Ее золотистое спокойствие окутывало его, как теплый туман, приглушая его собственный, вечно ноющий страх и боль. Это звучало так… просто. Рационально. Легко. Согласиться. Позволить себя починить. Стать нормальным.

– Это… будет больно? – спросил он хрипло, его пальцы вцепились в подлокотники кресла.

– Нет, – её ответ прозвучал абсолютно твёрдо и при этом невероятно мягко. – Это будет постепенный, бережный процесс. Мы начнём с простых упражнений на визуализацию и дыхание. Ты научишься представлять вокруг себя защитный купол, барьер – сквозь который будут свободно проходить только те чувства, которые ты сам сочтешь нужными, важными. Мы найдём и укрепим твои собственные, здоровые, базовые эмоции – они станут для тебя опорой, внутренним якорем. Ты не потеряешь способность чувствовать, Кирилл. Ты обретешь над ней контроль.

Звучало идеально. Идеальный мир без боли. Тишина по заказу. Именно то, о чём так жаждали его родители и о чём он сам порой мечтал в самые тяжёлые моменты. И всё же… что-то царапалось, скреблось на самых задворках его сознания, как мышь за плинтусом. Что-то не сходилось. Он посмотрел на её золотистое, безупречное сияние пристальнее, пытаясь заглянуть за него. И ему показалось, что он увидел. Не в нём самом, а как бы сквозь него, на просвет. Как сквозь плотную, идеально сшитую штору из бархата проглядывает четкий, холодный контур чего-то иного. Не боли. Не страдания. А страха. Холодного, рационального, всепоглощающего страха перед хаосом, перед неконтролируемым, диким, неудобным вихрем настоящих, живых чувств. Этот страх был не её личным, не человеческим. Он был старым, выхолощенным, как догма, отполированным, как казённая печать. Страхом самой Системы «Аура», чьим идеальным, безупречным инструментом она, доктор Вера, и являлась.

И в этот самый момент её планшет, лежащий на столе, тихо, но отчётливо пропищал, показывая какое-то напоминание. Она, не меняя выражения лица, почти не глядя, смахнула уведомление одним движением пальца. Но Кирилл, с его обостренным, не отключенным пока восприятием, уловил мелькнувшую на экране на долю секунды иконку – стилизованное изображение вихря, заключенное в красный предупреждающий треугольник. И подпись мельком: «Сектор 7. Аномалии. Мониторинг. Инцидент 449-В.»

Сердце его ёкнуло, провалилось куда-то в ледяную пустоту. Тёплая, робкая надежда, что только что начала теплиться в груди, затухла, как спичка, брошенная в воду. Красный треугольник. Вихрь. Мониторинг.

– Доктор Вера, – тихо, почти беззвучно спросил он, глядя уже не на неё, а куда-то в пространство за её плечом, на идеальную, без единой пылинки, белую стену. – А что, если… что, если мое чувство, эта… глубина… это не баг? Не поломка? Что, если это… особенность? Которая может быть… полезной? Не только для меня, а… вообще?

Её золотистое, бархатное сияние даже не дрогнуло, не дало ни единой трещины. Только в уголках её тёплых карих глаз застыла, отлившаяся в бронзу, легкая, профессиональная печаль. Печаль взрослого, просвещенного человека, который слышит наивную, детскую, опасную фантазию.

– Кирилл, – её голос стал чуть мягче, почти материнским, но в этой мягкости была несгибаемая сталь. – Болезненная, неконтролируемая чувствительность никогда и ни при каких обстоятельствах не бывает полезной. Она лишь изолирует тебя, калечит и причиняет непрерывные страдания. Наша с тобой цель – не лишить тебя способности чувствовать, а освободить тебя от этой постоянной, изнуряющей пытки. Дай нам, дай мне шанс помочь тебе. Доверься процессу.

Он снова кивнул, уже машинально, бездумно. Они договорились о времени следующего сеанса, обсудили «домашнее задание» – первое упражнение на визуализацию «безопасного места». Он вышел из кабинета, его шаги эхом отдавались в пустом, роскошном коридоре.

В лифте, в окружении бесконечно множащихся в зеркальных стенах отражений, он видел только свое бледное, потерянное, испуганное лицо. Искушение «освободиться», обрести покой, которое так манило минуту назад, теперь казалось ловушкой с бархатными стенами и сладким, усыпляющим газом. Доктор Вера понимала его слишком хорошо. И хотела для него, как ей искренне казалось, только лучшего. Именно это делало её слова, её метод, её золотистое спокойствие в тысячу раз опаснее отцовских криков или косых взглядов одноклассников. Это была гибель с улыбкой и гарантией.

Он вышел на улицу, под низкое, затянутое однородной серой пеленой небо. Ни намека на ветер. Ни просвета. Тишина, которую ему так убедительно предлагали, вдруг показалась самой оглушительной, самой громкой вещью на свете. Тишиной заживо погребенного, усыпленного, стерилизованного. Тишиной могилы для той самой части его души, которая, как он с ужасом и

смутным, диким предчувствием начинал подозревать, только-только, впервые за долгие годы, начала по-настоящему просыпаться.

Глава 4: Первый потерянный бриз

После визита к доктору Вере мир для Кирилла не изменился. Он стал лишь более… приглушенным, ватным, отдаленным. Как будто кто-то накинул на него колпак из толстого, матового стекла. Звуки доносились искаженными, будто из-под воды: голос матери, школьные объявления, даже собственные шаги. Цвета стали тусклыми и выцветшими, как старая фотография. Это была не обещанная доктором «контролируемая тишина», а ощущение глубокого, тонущего одиночества, будто его отбуксировали на необитаемый остров, где всё видно, но ничего нельзя потрогать.

Он выполнял её упражнения религиозно, с отчаянием утопающего. Каждое утро, сжимая кулаки под одеялом, он представлял тот самый «защитный купол» – прозрачную, переливчатую сферу вокруг себя. Он пытался фильтровать самые резкие всплески, как учили: «Представь, что это просто радиопомехи. Ты не приемник, ты наблюдатель. Просто позволь им пройти сквозь тебя». Это помогало. Помогало не срываться на людях, не падать на колени в школьном коридоре, не кричать от внезапной боли. Но и выматывало до дрожи в коленях. Теперь его состояние было не просто стихийным бедствием – это был каторжный труд, постоянное внутреннее напряжение, натянутая струна, которая могла лопнуть от любого неверного движения. Он возвращался домой истощенным, как после многочасового экзамена, и молча запирался в комнате, где мог, наконец, распустить этот ненавистный купол и просто страдать от накопившегося гула в относительной безопасности.

В субботу, когда напряжение достигло пика – стены квартиры, пропитанные маминой «Беспокойной заботой» и папиной «Отстраненной занятостью», начали буквально вибрировать, – он не выдержал. Он ушёл из дома, бросив на ходу: «Иду в библиотеку. К проекту». Ложь далась легко – лицо было тренированным, нейтральным маской. Он просто шёл. Без цели, без маршрута. Просто чтобы двигаться, чувствовать под ногами твердый асфальт, а не зыбкую почву чужих эмоций. Ноги, будто обладая собственной памятью, сами привели его через весь район в старый, полузаброшенный парк «У озера» на самой окраине. Здесь когда-то пытались установить «зону тишины» АураКорп, но проект забросили из-за низкой посещаемости. Теперь здесь были просто старые, кряжистые дубы, треснувшие и ухоженные только сорняками дорожки, ржавые качели с осыпающейся краской и озерцо с мутной водой. И главное – людей почти не было. Только пара пенсионеров вдалеке да пробегающая собака.

Это была не тишина доктора Веры. Это была физическая, пространственная пустота. И она была бальзамом.

Он сел на скамейку с отколотой планкой, снял наушники (они тоже не спасали, только подменяли один шум – эмоциональный – другим, цифровым и плоским). И просто сидел, уставившись на узор трещин на асфальте, стараясь ни о чём не думать. Не представлять купол. Не анализировать ощущения. Не быть «неисправным» Кириллом. Просто быть. Биологическим объектом на скамейке под осенним солнцем. Это было странно, непривычно и пугающе легко. Минута. Две. Пять. Внутри зияла непривычная, звенящая пустота. Он почти начал засыпать.

И тогда он почувствовал. Не мощный, режущий чувством удар, как от страха Димы, и не тихий звон, как от того клубка на качелях. Что-то среднее. Тонкое, как дуновение, как шепот. Что-то, что коснулось не кожи, а чего-то глубже – того самого «приемника», который он так отчаянно пытался заглушить.

Он медленно поднял голову, внутренне напрягаясь, ожидая боли. Её не было.

На пустынной детской площадке, возле тех самых ржавых качелей, стояла девочка. Лет семи, в ярко-розовой куртке, которая кричала на фоне унылого пейзажа. Она не рыдала, не звала маму. Она просто смотрела на свои забрызганные грязью туфли, а слёзы текли по её щекам молча, ровными, блестящими дорожками. И рядом с ней, витая в воздухе словно стран-

ная птица, была её эмоция. Но это была не привычная серая, тяжелая печаль и не острая, колючая детская обида. Это было нечто совсем иное.

Это был вихрь. Но не чёрный и не давящий, не хаотичный и рвущий, как у Димы. Он был серебристо-голубым, светящимся изнутри мягким, холодным светом, как крыло стрекозы в луче солнца или осколок полярного сияния. Он кружил над головой девочки на почтительном расстоянии, не касаясь ее, и от него исходил легкий, переливчатый звон – словно смех, превращенный в хрустальную музыку и развеянный ветром. Это была радость. Не покупная, не та «Безудержная веселость» из ампулы, что рекламировали по телевизору. Это была чистая, настоящая, старая радость. Та, что бывает только у детей и только от чего-то настоящего.

Кирилл замер, забыв дышать. Он никогда не видел ничего подобного. Покупные эмоции лежали на людях, как яркие, липкие пластиковые наклейки, искусственные и плоские. Настоящие, сиюминутные чувства бились внутри людей, как птицы в клетках, окрашивая их ауру, но редко вырываясь наружу. А этот вихрь… он был свободным. Он существовал отдельно. Он был… потерянным.

И мысль пришла сама собой, ясная, холодная и неоспоримая, как уравнение. Девочка сейчас грустила – может, упала, может, потеряла что-то, может, её обидели. Но когда-то, возможно прямо здесь, на этой ржавой качели, она испытала такую сильную, всепоглощающую радость, что часть этого чувства оторвалась и осталась висеть в этом месте, как отпечаток на фотопленке, как эхо. И теперь, когда девочке было плохо, этот отпечаток, этот «потерянный бриз» трепыхался рядом, словно пытаясь утешить, но не в силах вернуться. Он был связан с ней, но отделен.

Безотчетно, движимый тем же любопытством, что вело его к первому клубку, Кирилл встал. Скамейка жалобно скрипнула. Он медленно, осторожно, как охотник, подошел ближе. Девочка, уткнувшись в свои туфли, не заметила его. Его взгляд был прикован к вихрю. Он протянул руку, не к ней, а к тому серебристому сиянию. Он не думал о куполах или фильтрах. Он отключил защиту. Он просто захотел его… рассмотреть. Услышать поближе. Понять.

И случилось невероятное. Вихрь, будто почувствовав его чистое, незащищенное внимание, дрогнул. Его кружение замедлилось. Мелодичный, хрустальный звон стал чуть громче, четче. И затем, плавно, грациозно, как пушинка, подхваченная теплым потоком воздуха, он поплыл в его сторону. Кирилл замер, задержав дыхание. Его сердце колотилось где-то в горле. Светящийся комочек, размером с яблоко, легко, почти невесомо опустился ему прямо на раскрытую ладонь.

Он сжался внутри, ожидая знакомых симптомов: ожога, леденящего холода, щекотки превращающейся в боль, вторжения чужих мыслей. Но не было ничего такого.

Было… тепло. Легкое, сухое, удивительно приятное тепло, как от солнечного зайчика, пойманного на ладонь в морозный день. И волна. Но не волна чувств, как в прошлый раз. На этот раз в пальцы, в запястье, а затем стремительным, но не грубым потоком прямо в грудь, в самый центр сознания хлынуло нечто иное: воспоминание. Чужое, яркое, оформленное не в мыслях, а в ощущениях.

…Высоко! Выше всех! Ветер свистит в ушах, вырывает дыхание, заставляет щёки трепетать. Веревки скрипят, железо стонет подо мной. Земля далеко внизу – расплывчатое зеленое пятно. В груди распирает что-то большое, светлое, оно рвется наружу смехом. Снизу, далеко-далеко, голос мамы: «Молодец! Лети!» И кажется, вот-вот, еще один взмах ногами – и оттолкнешься от невидимой точки в небе и полетишь, прямо в облака, свободный и невесомый…

Это было воспоминание девочки. Мгновение абсолютного, совершенного счастья. Восторг победы – не над кем-то, а над силой тяжести, над собственным страхом. Чистый восторг бытия.

Слёзы, горячие и неожиданные, выступили на глазах у Кирилла. Не от горя, не от переполнения чужим. От благоговейного ужаса и невероятной, мучительной красоты этого чувства.

Оно было таким настоящим, таким полным, таким… живым, что рядом с ним все ампулы, весь этот мировой культ управляемых эмоций казались жалкой, убогой пародией, картонными декорациями на фоне настоящего неба.

И тогда, сквозь слёзы и это головокружительное откровение, к нему пришло понимание. Ясное и простое. Он не мог оставить этот бриз здесь, висеть бесполезным призраком. Он принадлежал ей. Он был частью её, её самой светлой частью, и он должен вернуться домой.

Он подошёл к девочке, его шаги были неуверенными. Она услышала их и подняла заплаканное, перемазанное грязью и слезами лицо. Глаза, огромные и испуганные, смотрели на незнакомого большого мальчика.

– У… уходи, – прошептала она, съежившись. – Я не… Я ничего.

– Это твоё, – тихо, очень тихо сказал Кирилл. Его собственный голос звучал странно, глухо, будто доносился из той же дальней дали, что и воспоминание о полете. Он поднес ладонь с серебристым вихрем прямо к ней, между ними. – Ты его потеряла. Когда-то давно. Вот здесь. Возьми назад. Пожалуйста.

Девочка смотрела то на его серьезное, странное лицо, то на его пустую, с ее точки зрения, ладонь. Она, конечно, не видела светящегося клубка. Но, кажется, чувствовала что-то. Какую-то тягу. Эхо того самого восторга, тихо звучащее в её собственной памяти. Её собственное горестное недоумение на миг сменилось неуверенным, робким любопытством.

Кирилл не знал, как это делается. Не было инструкции. Он просто подключился к тому потоку воспоминаний, что все еще теплился в его груди, и мысленно направил его обратно. Он подумал о том теплом летнем дне, о пронзительном свисте ветра, о смехе, рвущемся из горла, о головокружительном чувстве полета. Он захотел, чтобы это вернулось туда, откуда пришло.

И вихрь на его ладони ожил. Он мягко приподнялся, сделав над головой девочки один идеальный, медленный круг, словно прощаясь или осматриваясь. А затем… не исчез. Не рассыпался. Он преобразился. Свернулся в тонкую, ослепительно яркую сияющую струйку, похожую на падающую звезду, и влился – беззвучно, мягко – прямо ей в центр груди, в то место, где, казалось, и была ее детская печаль.

Девочка вздрогнула всем телом, как от легкого удара током. Глаза ее округлились от изумления. Слёзы мгновенно прекратились. На её лице появилось не выражение внезапной, искусственной веселости – нет. Она выглядела… ошарашенной. Озадаченной. Будто внутри у неё что-то громко щелкнуло, перевернулось, встало на место, о чём она давно забыла, но что было очень важным. Она медленно, будто в тумане, обернулась и посмотрела на старые, скрипучие качели. Потом снова на Кирилла. В её взгляде не было страха. Было глубокое, безмолвное удивление.

– Я… – её голосок был тихим, но уже не дрожащим. – Я тогда… я тогда чуть не улетела, – сказала она вдруг, совсем другим, более живым, звонким голосом, каким, наверное, говорила, когда не плакала. – Мама потом кричала. Испугалась. Говорила, что я сумасшедшая.

На её губах, всё ещё подрагивающих, дрогнуло что-то неуверенное, робкое. Не улыбка. Скорее, тень улыбки, которая когда-то была, отголосок того самого смеха. Но в её глазах, еще влажных от слез, появился теплый, заинтересованный свет. Тот самый свет настоящего чувства, которого не бывает от ампул. Свет воспоминания, которое вернулось и согрело изнутри.

– Да, – только и смог выдавить Кирилл, кивая. Горло сжал ком. – Это было… это было очень здорово.

Он больше ничего не сказал. Не стал объяснять. Не стал ждать слов благодарности, которых не могло быть. Он просто развернулся и пошел прочь, оставив девочку одну смотреть на качели и тереть ладонью то место на груди, куда что-то вошло. Его собственные руки дрожали мелкой, неконтролируемой дрожью. Внутри всё горело, но не огнём болезни, а каким-то новым, странным пламенем. Это было… ликование. Дикое, пугающее, всепоглощающее ликование, смешанное с леденящим душу страхом перед тем, что это значит.

Он только что поймал потерянное чувство. И вернул его владельцу.

Это было чудо. Но не то, что показывают в рекламе АураКорп. Это было тихое, личное, почти священное чудо.

Дар, который всю его жизнь был проклятием, источником стыда, боли и клейма «неисправного», только что проявил свою другую, скрытую до сих пор сторону. Он был не просто пассивным, страдающим приёмником. Не просто сломанным фильтром. Он был… проводником. Мостом. Между людьми и их же собственными, оторвавшимися, потерянными частями.

Он шёл по улице, уже не видя дороги, и мир вокруг будто преобразился, перезагрузился, заиграл новыми красками. Он больше не видел только яркие, навязчивые ампульные ауры. Теперь его взгляд (нет, не взгляд, внутреннее зрение) начал выхватывать другие, слабые, едва уловимые движения в воздухе, которые он раньше игнорировал или принимал за помехи.

Там, где у киоска с кофе ссорилась парочка подростков, в воздухе клубился рваный, темно-багровый клубок невысказанной обиды и злости. Он оторвался от них в пылу спора и теперь медленно, как ядовитый дым, растворялся, отравляя пространство вокруг.

Над стариком на скамейке у подъезда висел тусклый, коричневатый, почти осязаемый туман тихой, давней, смиренной тоски, которой он, видимо, уже не замечал, с которой сжился, как с болью в спине.

Из окна третьего этажа выплыл и зацепился за антенну маленький, ярко-желтый, колючий осколок – вспышка ревности, острая и мгновенная, как укол, теперь беспризорная.

Всюду были потерянные ветра. Большие и маленькие. Светлые и тёмные. Прекрасные и уродливые. Мир, который он считал фальшивым и однообразным, оказался наполнен ими до краев, как заброшенный чердак – пыльными, забытыми, но всё ещё живыми сокровищами и ядами.

Страх, долгие годы сидевший в нем иссиня-черным холодным камнем, начал отступать, уступая место потрясению, невероятности происходящего и жгучему, всепоглощающему любопытству. Доктор Вера, АураКорп, все учебники говорили об одном: о «щитах», «фильтрах», «контроле». О том, чтобы меньше чувствовать. Быть как все. Глушить сигнал.

А что, если они все ошибаются? Что, если нужно не меньше?

Что, если нужно… чувствовать иначе?

Не как жертва, на которую обрушивается хаос. А как… собиратель? Картограф? Реставратор? Как тот, кто находит потерянные ноты и возвращает их в разбитую симфонию?

Он зашёл в подъезд своего дома, и запах старого линолеума и чистящего средства показался ему вдруг знакомым и почти родным. Перед дверью квартиры он замер, прислушиваясь. Из-за двери доносились привычные, плотные волны: мамина «Усталая, тревожная забота» (смесь запаха глаженого белья и горького чая), папина «Отстраненная, цифровая занятость» (запах озон от гаджетов и холодного кофе). Но теперь он смотрел на них (чувствовал их) не с прежним ужасом и желанием сбежать. Он смотрел и думал, и эта мысль была новой и странной: «А что они потеряли? Какие свои настоящие, сильные ветра – любви, увлеченности, простой радости – оставили где-то в прошлом, на поворотах жизни, чтобы теперь годами обходиться этими бледными, удобными суррогатами?»

Он не знал ответов. Возможно, никогда и не узнает. Но впервые за много-много лет, с тех самых пор как понял, что он «другой», он не хотел избавиться от своего дара. Не хотел, чтобы его «починили». Он хотел его понять. Изучить. Приручить.

И первое, что он решил сделать завтра, отложив в сторону и упражнения доктора Веры, и попытки вписаться, – найти ту странную старую городскую библиотеку, мимо которой он иногда пробегал, но никогда не заходил. Ту, что была не сетевой, а настоящей, с бумажными книгами. Там, среди пыльных фолиантов о психологии, философии, да и просто в тишине, что пахнет не озоном, а бумагой и временем, возможно, были ответы. Или, по крайней мере,

тишина другого рода. Не та, что давит и изолирует. А та, в которой можно наконец услышать собственные мысли и, возможно, уловить далекий, едва слышный шёпот забытых ветров.

Трепет в груди, похожий на трепет того серебристого вихря, не утихал. Это был не страх. Он понял это теперь.

Это было предчувствие. Толчок. Первый шаг на краю неведомого пути, тропа которого только-только начала проступать из тумана.

Глава 5: Архив тишины

На следующее утро Кирилл проснулся не от знакомой липкой волны материнской «Безмятежности», а от внутреннего импульса. Впервые за долгие годы его будто подбросило на постели – не от страха, а от странного, непривычного чувства, которое он с трудом опознал как нетерпение. Серебристый вихрь из парка, чистый хрустальный звон и ощущение чудесного возвращения светились в его памяти не как сон, а как яркий, неизгладимый маяк, отбрасывающий новый, непривычный свет на всё окружающее. Он не мог от них избавиться, и – что было страннее, тревожнее и волнующе – не хотел.

Встреча с доктором Верой была назначена только через три дня. Целых три дня отсрочки, три дня свободы. Он проглотил кашу, постаравшись не смотреть на ампулу «Фокуса и ясности», лежащую рядом, как обвинение, и сказал матери, уже стоя в прихожей, что идет готовиться к групповому проекту по истории – благо, такой проект действительно был в задании на семестр, и это звучало правдоподобно.

– Уже лучше, – с явным, почти физически ощутимым облегчением выдохнула она, и её плотная аура «Заботливой настойчивости» окрасилась в теплый, розоватый оттенок надежды. Он видел, как этот цвет окутывает её, меняя выражение лица. – Видишь, ты уже берешь ответственность. Может, даже мысль о докторе Вере уже начала помогать, успокаивать?

Он промолчал, просто кивнув, натягивая куртку. «Помощь» доктора Веры теперь казалась ему равнозначной добровольной, оплаченной слепоте, ампутации единственного настоящего органа чувств. Он выскользнул из квартиры, чувствуя, как дверь закрывается за его спиной не как ловушка, а как шлюз, отделяющий его от одного мира и выпускающий в другой.

Библиотека, вернее, то, что он считал библиотекой, находилась в самом сердце старого, дремлющего района «Каменистый Берег», среди одноэтажных, почерневших от времени домов с облупившейся штукатуркой и покосившимися заборами. Это было приземистое, солидное кирпичное здание конца прошлой эпохи, с высокими, узкими окнами и массивной дубовой дверью. Вывеска, некогда позолоченная, теперь была почти полностью скрыта буйным, вековым плющом: «Городской Архив №3. Фонды XIX-XXI вв.» Не библиотека даже, а архив. Хранилище того, что уже не нужно. Окна, затянутые изнутри паутиной и слоем вековой пыли, казалось, не пропускали свет, а накапливали темноту. Место, куда десятилетиями, а может, и столетиями не ступала нога человека, кроме редкого служителя.

Дверь с тяжелой, почерневшей от времени медной ручкой неожиданно легко поддалась его толчку, издав не скрип, а низкий, утробный стон, будто само здание вздохнуло. Внутри его встретил не поток кондиционированного воздуха, а густой, неподвижный, почти осязаемый воздух, пахнущий не стерильной чистотой, а чем-то древним, сложным и добрым: пылью тысячелетий, древесной смолой старых полок, сладковатым запахом желтеющей, разлагающейся бумаги, воском от давно потухших свечей и едва уловимым ароматом сухих трав. И что было самым главным, самым потрясающим – тишина. Не в смысле отсутствия звука (где-то капала вода, тикали часы). А в смысле полного, абсолютного отсутствия эмоционального шума. Фальшивые ауры ампул, вечный гул городской эмпатической сферы, стресс, тревога, искусственная радость – ничего этого здесь не было. Они не долетали сюда, разбиваясь о кирпичные стены и слой времени, как волны о скалу. Здесь царила другая тишина – глубокая, насыщенная, медитативная, будто само пространство впитало, переварило и успокоило мысли, страсти, чувства миллионов прочитанных и забытых страниц.

Кирилл осторожно сделал шаг внутрь, и его нога утонула в толстом, потертом до дыр ковре причудливого бордового узора. Глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к полумраку. Бесконечные, уходящие в темноту стеллажи, нагруженные не книгами, а темными, бесформенными корешками томов, стояли как молчаливые стражи. Где-то в глубине зала, за оче-

редным поворотом, мерцал один-единственный островок света – тусклая лампа под массивным зеленым стеклянным абажуром в стиле ретро.

И тогда он почувствовал его. Не эмоцию. Не чувство. Скорее… присутствие. Ощущение сознания. Спокойного, ненавязчивого, но абсолютно настоящего, плотного, как сам этот воздух. Оно исходило из-под того самого зелёного абажура. Это не было чем-то, что можно было уловить кожей. Это было чем-то, что резонировало с его собственным внутренним «приемником» на новой, незнакомой, глубокой частоте.

Он пошёл на свет, его шаги глухо проглатывались тишиной и ковром. По мере приближения он начал различать детали: огромный, поцарапанный деревянный стол, заваленный не стопками книг, а хаотичным, но явно осмысленным нагромождением предметов: развернутые старинные карты с пометками, странные латунные приборы с циферблатами и стрелками, похожие на барометры, анемометры и секстанты, несколько потрепанных, толстенных фолиантов с металлическими застежками, пузырьки с темным содержимым, перья для письма. И за всем этим, склонившись над толстой, кожаной тетрадью, сидел старичок. Он не был похож ни на библиотекаря, ни на ученого, ни на кого-либо из тех, кого Кирилл видел в своей жизни. На нем был поношенный, удобного кроя кардиган из грубой шерсти, мягкие, стоптанные домашние тапочки, а на носу держались очки в массивной роговой оправе, съехавшие на самый кончик. Он что-то мелким, убористым, невероятно аккуратным почерком выводил в тетради, полностью погруженный в процесс, и даже не поднял головы при приближении шагов.

Кирилл замер в двух шагах от стола, не зная, как начать, как нарушить это зачарованное пространство. Может, спросить что-то нейтральное, про исторические источники для проекта?

Старик, не глядя на него, не меняя темпа, положил перо на специальную подставку. Его голос прозвучал в тишине негромко, слегка хрипловато от возраста, но с удивительной, камертонной четкостью, которая заставила воздух вибрировать.

– Ветер сегодня с востока дует, потерянный. Чувствуешь?

Кирилл обомлел. Он непроизвольно взглянул на ближайшее запыленное окно. Оно было глухо закрыто. Ни малейшего движения занавески. Ни звука с улицы. Воздух в архиве был неподвижен, как в гробнице.

– Я… Что? – выдавил он, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Он понял, о каком ветре идет речь.

Старик наконец поднял на него глаза через линзы очков. Они увеличивали его глаза, делая их огромными, влажными и невероятно проницательными, будто видящими не поверхность вещей, а их суть. В этих глазах не было ни следов «Профессионального интереса», ни «Вежливого безразличия» служащего. Там была усталая, глубокая, живая мудрость, знакомая с вещами, о которых не пишут в учебниках.

– Восточный ветер, – повторил он медленно, растягивая слова, как будто объясняя очевидное ребенку. – Он всегда приносит с собой что-то забытое, вымытое временем. Осколки чувств, оброненные там, на той стороне города, где стоит старый металлургический. Там много… ржавой тоски и остывшего, спрессованного в уголь гнева. Ты пришёл сюда как раз на таком дуновении. Оно вилось за тобой от самых дверей.

Кирилл почувствовал, как по спине побежали ледяные мурашки, а волосы на затылке встали дыбом. Старик говорил не о погоде. Он говорил на том самом языке, которым думал Кирилл, но не находил слов.

– Вы… вы о чём? – спросил он, но в его собственном голосе уже не было простого недоумения. В нем был трепет, смешанный с надеждой и ужасом.

– Садись, мальчик. Не топчись там, как на раскаленных углях, – старик махнул рукой, обросшей седыми волосками, в сторону свободного стула, заваленного свитками бумаг. – Подвинь это. Бумага терпеливая, подождёт. Меня зовут Всеволод Михайлович. А тебя, если мои старые кости и эта штуковина, – он кивнул на один из латунных приборов, стрелка кото-

рого слегка дернулась в сторону Кирилла, – не врут, твой собственный дар доводит до белого каления. Особенно в школе. Особенно когда все вокруг… потребляют суррогат, принимая его за пищу.

Это было уже слишком. Кирилл отступил на шаг, наткнувшись на стеллаж, который глухо заскрипел.

– Как вы… Вы знаете меня? Вы следили?

Всеволод Михайлович усмехнулся, и его усмешка была похожа на тихий шелест переворачиваемых пергаментных страниц, сухая и мудрая.

– Знаю? Нет. Узнаю. Я знаю твой тип. Ты не первый. Хотя и очень редкий в наше… выглаженное, отутюженное время. Сенсоры, восприемники, чуткие – были всегда. В разные эпохи их называли по-разному: поэтами, провидцами, юродивыми, мистиками, гиперчувствительными неврастениками. Сейчас называют куда технологичнее и обезличеннее – «неисправными». Очень прогрессивно. Очень удобно для системы.

Кирилл медленно, будто в трансе, расчистил стул и опустился на него. Его сердце колотилось где-то в основании горла, мешая дышать.

– Вы… вы тоже? Вы чувствуете? Как я?

– Чувствую? – старик покачал головой, и его седые волосы, торчащие вихрами, колыхнулись. – Нет, сынок. Я уже стар для такой… встряски, для такой постоянной бури. Мои рецепторы, что были, давно притупились, заросли, как старые дороги. Я… помню. И слушаю. И записываю. – Он постучал костяшками пальцев, испачканных чернилами, по толстой кожаной обложке тетради. – Я архивариус. Но не этих бумажных трупов, которые здесь медленно сгнивают. Памяти. Памяти о том, какими люди были, какими их чувства были – дикими, неудобными, прекрасными, ужасными – до того, как решили, что их можно расфасовать, разбавить, разлить по бутылочкам и продавать по графику. До Великого Упрощения.

Он отодвинул тетрадь в сторону и, покопавшись в стопке книг у себя под локтем, вытащил одну – толстенный, в потертом кожаном переплете том с потускневшим, но всё ещё читаемым золотым тиснением на корешке. Без слов протянул её Кириллу через стол.

– Вот. Начни с этого. Пока не с текста. Забудь слова. С ощущения. Возьми в руки. Закрой глаза. И просто… слушай книгу.

Кирилл, все еще ошеломленный, взял книгу. Она была неожиданно тяжелой, холодной, как камень. Кожа переплета была шершавой, живой под пальцами. Он положил ладони на обложку, как ему велели, и закрыл глаза, отбросив все мысли.

И тогда… он почувствовал.

Не эмоцию, не чужое чувство. А нечто иное. Легкое, едва уловимое движение. Дрожание, вибрацию в пространстве между страницами. Будто внутри этого тома, запертый навеки, дремлет крошечный, древний, давно забытый всеми бриз. Он был слабым, как дыхание младенца, но абсолютно реальным. И он пах. Не запахом в обычном понимании. Это было впечатление, переданное прямо в сознание: озоном после далекой-далекой грозы, сухой, выгоревшей на солнце травой степей, и чем-то неуловимо грустным, но светлым – как воспоминание о лете, которое уже никогда не вернется.

– Что это? – прошептал он, открыв глаза. Ладони на обложке покалывало легким статическим электричеством.

– «Трактат о дыхании мира и природе воздушных течений сущих и мысленных», приватное издание 1898 года, – сказал Всеволод Михайлович, и в его голосе прозвучала нота почтительного любопытства. – Автор – некий Сергей Альметьев, метеоролог-самоучка и, по слухам, мистик. Для непосвящённых, для академической науки – бредни сумасшедшего, красивая метафорическая чепуха. Для таких, как ты, для немногих… первый учебник. Правда, написанный на языке аллегорий и символов. Там нет слов «эмпатия», «нейросеть» или «эмоцио-

нальный резонанс». Там есть «ветра душ», «эфирные реки», «межвоздушье» и… – он сделал драматическую паузу, глядя прямо на Кирилла, – «собиратели».

Собиратели. Слово ударило в самое сердце, как ключ, повернувшийся в замке. Вчерашнее открытие в парке, интуитивное действие, вдруг обрело имя, категорию, место в неком тайном порядке вещей.

– Я… я поймал один, – выпалил Кирилл, не в силах сдержаться, чувствуя, как слова рвутся наружу, как плотину прорвало. – Вчера. В парке. Девочка плакала, а рядом… вился её же старый восторг, как серебристая птица. И я… я просто взял его и… вернул. Ей. В грудь. – Он рассказывал сбивчиво, горячо, путаясь, но стараясь передать каждую деталь, каждое ощущение – тепло, хрустальный звон, поток чужого воспоминания.

Всеволод Михайлович слушал, не перебивая, не морщась, не выражая недоверия. Он сидел, подперев щеку рукой, и лишь изредка кивал, его огромные глаза за толстыми стеклами были полны не удивления, а глубокого, сосредоточенного внимания, будто он сверял рассказ с какой-то внутренней картой. Когда Кирилл закончил, задохнувшись, старик долго молча смотрел на него, и в этой тишине архива было больше смысла, чем в часах разговоров.

– Первый раз – и сразу полный, осознанный возврат. Без подготовки. Без понимания механизмов и… рисков… – наконец произнес Всеволод Михайлович, и в его голосе прозвучала смесь одобрения и беспокойства. – Повезло тебе, мальчик. Дикий ветерок детской радости – он чистый, светлый, безобидный. С ним и ребенок справился бы. А бывают ветра… и не такие.

– Какие риски? – спросил Кирилл, чувствуя, как его пыл, его восторг первооткрывателя немного остывает, сталкиваясь с реальностью предупреждения.

– Ветер, особенно потерянный, особенно темный, тяжелый, пропитанный болью или злобой – штука сильная, коварная, почти живая. Можно увлечься его силой, его историей, и пойти за ним мысленно, заблудиться в чужих лабиринтах. Можно попытаться вдохнуть его в себя, чтобы понять до конца – а понять чужое отчаяние, настоящую, выдержанную ненависть или боль до дна – значит, разделить его, принять в себя. Можно сгореть. Можно сломаться. Можно, наконец, приманить к себе что-то… что само ищет проводника. – Он посмотрел на Кирилла поверх очков, и взгляд его был острым, как скальпель. – Ты вчера действовал верно, инстинктивно. Ты не собирал. Ты был проводником. Мостом. Ты дал заблудшему чувству дорогу домой. Это – единственно верный путь для нашего брата. Но, сынок, чтобы уверенно проводить через себя бурю, ураган, ледяной шторм чужих страстей, нужен крепкий, несокрушимый якорь. Нужна своя, непоколебимая тишина в центре себя. Где твой якорь, Кирилл? Во что ты упираешься, когда всё вокруг начинает кружить и рвать?

Кирилл опустил взгляд, роясь в себе. Его якорь? Его собственная, вечно клубящаяся серая тревога? Пустота отчуждения? Страх? Это были не якоря, а балласт, который тянул на дно.

– Не знаю, – честно, с горькой прямотой признался он. – Вообще ничего крепкого нет.

– Найдёшь. Или построишь. Иначе далеко не уйдешь, – старик кивнул, как будто это был ожидаемый и правильный ответ. – А пока – читай. Учи язык, на котором говорит то, что ты чувствуешь. Учи грамматику ветров. И приходи сюда, когда будут вопросы. Только смотри… – его голос понизился до конспиративного шепота, и он наклонился вперед, – не светись. Не распространяйся. Никому. Твои «поправители» из «Ауры», твоя доктор Вера – они не дремлют. Для них, для всей их безупречной машины, всё, что не вписывается в их каталог разрешенных, дозированных эмоций, – аномалия. А аномалии, как ты, наверное, уже догадываешься, подлежат изоляции, коррекции или… утилизации. Ты для них – живой глюк в системе. И глюки исправляют.

Кирилл почувствовал, как холодная, знакомая волна страха снова накатывает на него, но теперь она была не бесформенной, а имела четкие очертания и имя. Он кивнул, прижимая драгоценную, тяжелую книгу к груди, как щит. Страх был, но теперь у него было направление.

Было слово – «Собиратель». Было имя учителя – Всеволод Михайлович. Было место, где его не считают сломанным, а считают… учеником.

– Спасибо, – выдохнул он, вставая. Слова казались слишком маленькими, слишком простыми для того, что он чувствовал.

– Не благодари. Работа ещё впереди. – Старик уже снова склонился над своей тетрадью, беря перо. – Восточный ветер стихает, чувствуешь? Тише становится. Скоро, к вечеру, подует с севера. Всегда приносит что-нибудь… интересное, резкое. Следи за собой. Иди.

Кирилл вышел из архива на тусклую осеннюю улицу. Солнце, пробивающееся сквозь облака, светило по-прежнему неярко, без тепла, но мир вокруг уже не казался плоским, картонным и безнадежно враждебным. Он был глубоким, полным тайн, слоистым, как эта старая книга в его руках. У него в руках был ключ. Тяжёлый, кожаный, пахнущий озоном и временем, полный загадочных символов и обещаний.

Он шёл домой, и ему уже не было так одиноко и страшно. Было тревожно, да. Сердце по-прежнему билось часто. Но тревога эта была иного рода, нового качества. Как перед началом долгого, опасного, неизведанного, но невероятно важного путешествия в заветные уголки собственной души и скрытого мира вокруг.

Он теперь знал, что он не один. И что его дар – не поломка, не болезнь, не дефект.

Это было древнее, почти забытое ремесло. Ремесло, требующее умения, знаний и крепкого якоря.

Ремесло Собирателя Потерянных Ветров.

И ему, Кириллу, «неисправному», предстояло ему научиться. С первой страницы.

Глава 6: Цена Марка

Прошла неделя – семь дней, наполненных двойной жизнью. Днем – школа, давящая обыденность упражнений доктора Веры (визуализация «безопасного места», которое упорно получалось у него в виде пустой, белой комнаты без окон), притворство перед родителями, которые с осторожной надеждой наблюдали за его «спокойствием». Ночью же, под одеялом с фонариком, – тайная вселенная. Книга Всеволода Михайловича лежала под матрасом, завернутая в старый шерстяной свитер, как священная реликвия или улика.

Она была написана архаичным, витиеватым языком, полным сложных аллегорий и устаревших оборотов. Кирилл читал медленно, с трудом, иногда по нескольку раз перечитывая абзац. Но каждая фраза находила в нем глубокий, почти физиологический отклик, будто он не учил что-то новое, а вспоминал давно забытый, родной язык. «Межвоздушье – есть пространство меж душ, незримая гладь, где ветра, оторвавшись от устья, плутают в тоске, ища обратной дороги…» «Собиратель должен быть пустым сосудом для приёма, дабы не исказить чистейший поток, но крепким дубом для удержания, дабы не быть сметанным бурей…» Слова складывались в внутренние образы, карты неизвестной территории, на которой он уже интуитивно начал ориентироваться.

Но теория теорией, а практика звала, манила, чесалась под кожей. После чуда с девочкой его восприятие, уже не пытавшееся так отчаянно защищаться, начало улавливать потерянные ветра повсюду, как внезапно появившуюся на старом фото серебре невидимую до этого пыль. Над старушкой, часами торгующей у булочной, висел блёклый, сладковато-горьковатый туман ностальгии – не просто по свежему хлебу, а по запаху пекарни её детства, по рукам матери, по чувству довоенного покоя. Над вечно спешащим, нервным мужчиной в дорогом, но помятом костюме, крутился острый, колючий, как проволока, вихрь невысказанной, проглоченной злости на начальника, смешанной со страхом за ипотеку. Они висели в воздухе, как мираж, как эмоциональные призраки, невидимые для всех, кроме него. И его рука, его внимание, его внутренний «инструмент» сам тянулся к ним… Но он сдерживался, сжимая мысленные кулаки. Он помнил суровые слова Архивариуса о рисках. И о том, что главное – не собрать, а вернуть. А для возврата нужно согласие души, даже неосознанное. Или, как минимум, открытая рана, из которой этот ветер истекает, а не старая, заросшая рубцом гематома.

И тогда, наблюдая за этой новой, пестрой картой мира, его взгляд (внутренний и внешний) неизменно возвращался к Марку. К его самому яркому, самому громкому и самому… фальшивому пятну в школьной эмпатической палитре.

Марк был его полным антиподом, живым отрицанием всего, чем пытался быть Кирилл. Если Кирилл стремился раствориться в фоне, стать невидимкой, то Марк делал всё, чтобы его замечали, запоминали, боялись. Он носил кислотно-зелёный рюкзак, на котором самодельными черными чернилами было выведено что-то нечитаемое, слушал оглушительную, деструктивную музыку в наушниках-лопухах, заглушавших даже мысли, и смотрел на всех тяжелым, оценивающим взглядом с оттенком вселенской скуки и превосходства. Его эмоции, которые Кирилл улавливал, были всегда громкими, крикливыми, как неоновая вывеска, но до ужаса плоскими, одномерными. Как будто Марк не переживал их, а надевал, как театральный костюм, каждый день новый, но сшитый из одной и той же дешевой ткани. Чаще всего это была «Презрительная независимость» – подпольный, дешёвый аналог фирменных коктейлей, пахнущий жженой пластмассой, дешевым спиртом и пылью подвалов. Но под этой грохочущей, ядовитой мишурой, глубоко-глубоко внутри, как в запечатанной шахте, Кирилл чувствовал нечто другое. Что-то настоящее, большое, темное и очень старое. Что-то, что Марк замуровал за километрами сарказма, агрессии и напускного безразличия.

Они столкнулись – точнее, Кирилл намеренно вышел на перехват – в самом конце длинного, пустынного коридора у технических классов, у того самого запыленного окна, куда Марк приходил подумать. Кирилл подошел, чувствуя, как сердце колотится, пытаясь вырваться из клетки рёбер, а в горле пересохло.

– Чего, сенсор? Наметан, что ли? – Марк не снял наушники, только приспустил их на шею, откуда доносилось приглушенное бульканье искаженных басов. От него исходила привычная, едкая волна «Презрения», но сегодня она была тоньше, прозрачней, ненадёжней, как плохая краска. А под ней, пробиваясь сквозь трещины… да, оно было. Огромное, спящее, цвета запекшейся крови и старого, желто-зеленого синяка. Чувство глубокой, детской, несправедливой и никогда невысказанной обиды. Оно не вилось в воздухе – оно сидело в Марке, в самом его ядре, как кремень, обросший годами молчания, горечи и самооправдания.

– Марк, я… можно поговорить? – начал Кирилл, с трудом сглотнув ком в горле. – По-настоящему.

– Мы уже говорим. Я вижу тебя, ты видишь меня. Визуальный контакт установлен. Диалог состоялся, – отрезал Марк, пуская густой клуб искусственного яблочного пара, который на миг заслонил его лицо. Но его глаза, узкие, насмешливые, были не просто настороженными – они были на взводе, как курок.

– Нет, серьёзно. Я… я в последнее время кое-что понял. Про себя. И… кажется, я вижу. Что у людей внутри. По-настоящему. Не то, что они показывают.

Марк фыркнул, и этот звук был полон такого искреннего, неподдельного презрения, что даже его фальшивая аура не могла с этим сравниться.

– О, господи. Новое веяние в клубе «особенных»? «Эмпат-шизоид отменяет фальшь»? Отвали, Кирилл. У меня и своих тараканов, поверь, целый зоопарк на разводе. Места для твоих нет.

– Именно! – Кирилл, опьяненный своей миссией, сделал шаг вперёд, не замечая, как Марк инстинктивно, почти незаметно отстранился, прижимаясь плечом к холодному оконному стеклу. – Именно про твоих… про то, что внутри, в самом центре. Ты всё время злишься. Кричишь этой… этой дешёвой злостью. Но это не твоё. Это чужая, липкая маска. А настоящее… оно другое. Оно сидит глубоко, как заноза, и оно тебя ест изнутри. Я это чувствую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.